

ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ЛѢТЪ А. С. ЛАШКЕВИЧА.

Мнѣ было пятнадцать лѣтъ, и я былъ въ 5 классѣ Киевской 1-й гимназіи, когда впервые увидѣлъ и вскорѣ потомъ и познакомился съ двѣнадцатилѣтнимъ Сашей Лашкевичемъ. Онъ поступилъ въ это время во 2-й классъ нашей гимназіи, помѣщавшейся въ то время въ Липкахъ, въ такъ называемомъ Кловскому дворцу, построенномъ въ царствованіе Елизаветы, въ зданіи, гдѣ теперь женское духовное училище. Въ то время 1-ая гимназія была закрытымъ и вполнѣ сословнымъ учебнымъ заведеніемъ; въ двухъ интернатахъ, 1-мъ и 2-мъ „благородныхъ пансионахъ“, помѣщавшихся въ отдѣльныхъ отъ гимназіи зданіяхъ и даже усадьбахъ, воспитывались исключительно дѣти дворянъ; въ мое время во всей гимназіи было всего лишь 4 ученика изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи. Кроме значительного числа казеннопочтныхъ во 2-мъ пансионѣ, остальные пансионеры въ обоихъ интернатахъ принадлежали къ зажиточнымъ семьямъ; преобладали сыновья помѣщиковъ—польскихъ изъ Юго-Западнаго края и малорусскихъ изъ Черниговской и Полтавской губерній.

Приходящихъ учениковъ было такъ мало (около 15-ти во всей гимназіи), что они совсѣмъ исчезали бы среди громаднаго большинства остальныхъ учениковъ, если бы исключительность ихъ положенія и даже самая эта малочисленность не выдѣляли

ихъ изъ остальной массы учащихся. Жили они исключительно при родителяхъ и только на время уроковъ приходили, точно—пріѣзжали на собственныхъ лошадяхъ въ гимназію. Рѣзко отличались они отъ грубоватыхъ, въ поношенныхъ курткахъ, пансіонеровъ болѣе мягкими манерами, выхоленной внѣшностью, изящными, чистенькими и новыми мундирчиками. Пансіонеры относились къ нимъ нѣсколько свысока и покровительственно, такъ какъ они обыкновенно оказывались слабѣйшими въ школьнѣхъ дракахъ, не принимали участія въ шалостяхъ и продѣлкахъ противъ начальства, учителей и надзирателей, стояли въ сторонѣ отъ тѣсной товарищеской среды, созданной совмѣстной жизнью въ интернатѣ. Многіе товарищи по классу были съ ними на „вы“, въ то время, какъ среди пансіонеровъ одного возраста нераздѣльно господствовало братское „ты“. Впрочемъ, отношенія пансіонеровъ къ приходящимъ не чужды были въ какой-то доли заискиванія: приходящіе привозили своимъ товарищамъ „сыскники“, т. е. съѣстное, часто „фундовали“, т. е. покупали лакомства, брали ихъ къ себѣ въ отпускъ, водили на свой счетъ въ театръ, но главное—они исполняли въ городѣ разныя порученія пансіонеровъ, которыхъ въ будни не выпускали: сообщали роднымъ или знакомымъ извѣстія отъ пансіонеровъ и обратно, передавали письма, доставали книги для чтенія, дѣлали покупки. Послѣднее было особенно важно; пансіонеры лишь тайно могли хранить у себя свои деньги, поэтому и покупать безъ вѣдома начальства могли только тайно; къ тому же чаще всего самыя пріобрѣтаемыя вещи были запретныя: игральные карты, табакъ, спиртные напитки. Все это выдѣляло приходящихъ: всякаго изъ нихъ знали все пансіонеры, съ нимъ знакомились и вѣжливо раскланивались.

При такихъ условіяхъ въ число приходящихъ учениковъ, по примѣру своего старшаго брата, моего товарища по классу, поступилъ и А. С. Лашкевичъ. Съ тѣхъ поръ прошло около 45 лѣтъ, но я и теперь живо представляю его себѣ: это былъ худенький, плохо развитый физически, слабенький и изнѣженный мальчикъ; уже въ то время онъ былъ сильно близорукъ—отсюда

неувѣренность въ движеніяхъ и робость, замѣтная во внѣшнихъ манерахъ; онъ былъ очень застѣнчивъ, казался боязливымъ, хоть и не былъ таковыи въ дѣйствительности.

Ежедневно вмѣстѣ со старшимъ братомъ, рослымъ и красивымъ юношей, прїѣзжалъ онъ въ гимназию на парѣ хорошихъ лошадей въ собственномъ некрытомъ экипажѣ, повидимому произведеніи сельскаго, вѣроятно крѣпостного, каретника; изрѣдка братья прїѣзжали въ большой коляскѣ, запряженной четверкой лошадей съ форейторомъ; эти же экипажи являлись къ концу уроковъ и увозили Лашкевичей домой; на козлахъ всегда возвѣдалъ лакей, снимавшій со своихъ панычей верхнюю одежду или же одѣвавшій ихъ. Въ одномъ классѣ съ Александромъ Степановичемъ учился мой младшій братъ—пансионеръ. Это сблизило меня съ этимъ классомъ, и потому я помню вѣкоторые черты, отличавшія Сашу. Онъ видимо желалъ сблизиться съ товарищами, и это ему удалось, несмотря на то, что онъ не участвовалъ въ физическихъ играхъ, никогда не вступалъ въ драку, не игралъ въ мячъ, въ городки, паланты, мету; зато онъ дѣятельно участвовалъ въ продѣлкахъ, гдѣ требовались остроуміе и рискъ; въ шалостяхъ, направленныхъ всего чаще противъ надзирателей и учителей-иностраницъ, онъ не разъ попадался; противъ нашихъ учителей французскаго языка онъ не разъ выступалъ вмѣстѣ съ товарищами, сопровождая ихъ появленіе криками „Трубочистъ“ и „Чижикъ“, ихъ общеизвѣстною кличкою. Когда надо было, по мнѣнію класса, устроить этимъ учителямъ какую-нибудь каверзу, обмануть ихъ, пользуясь тѣмъ, что они по-русски читать не умѣли, или же въполномъ составѣ класса объявить, что заданный урокъ не выученъ, Лашкевичъ никогда не отставалъ отъ товарищей. Тутъ онъ выказывалъ желаніе жить съ товарищами душа въ душу и поступалъ онъ такъ вовсе не вслѣдствіе лѣности или незнанія: онъ и въ дѣствѣ, а потомъ и въ зрѣломъ возрастѣ отличался трудолюбиемъ, за всякое дѣло брался горячо и настойчиво, если оно было ему по душѣ. Добросовѣстно готовилъ онъ и уроки, не знаю, по привычкѣ-ли, или же ради полученія хорошихъ от-

мѣстокъ,—во всякомъ случаѣ любознательности тутъ слѣдуетъ отводить самое малое мѣсто: ни учебники, установленные программой, ни тогдашніе преподаватели не могли пробудить въ мальчикѣ этого стремленія,—удовлетворялось оно больше всего чтеніемъ. Лашкевичъ еще и въ то время очень любилъ читать книги, конечно, дѣтскія, уже и въ то время очень дорожиль ими; можно было замѣтить у него уже и первые признаки позднѣе развившагося бібліофильства.

Совсѣмъ иначе стаѣть относиться къ своимъ занятіямъ Александръ Степановичъ съ переходомъ въ высшіе классы. Послѣ Крымской войны и въ нашей гимназіи повѣяло новымъ духомъ: многіе великовозрастные, окончательно залѣнившіеся и огрубѣвшіе ученики, остававшіеся въ классахъ по 4 года, иногда совсѣмъ прекратившіе всякія занятія, поступили юнкерами въ войска, отправлявшися въ Севастополь; составъ учащихся въ классахъ сталъ болѣе однороднымъ по возрасту; нѣкоторые ученики стали выдѣляться своей любознательностью, охотой къ чтенію; такіе юноши сближались между собой и привлекали къ занятіямъ и другихъ товарищей. Измѣнился и духъ преподавателей: и на нихъ слегка отражался подъемъ духа, наплыvъ новыхъ идей, такъ сильно охватившихъ русское общество послѣ перемѣны царствованія и заключенія Парижскаго мира. Нѣкоторые преподаватели замѣнили сурое, грубое, иногда даже жестокое обращеніе съ учащимися болѣе мягкимъ, гуманнымъ; учителя стали ближе къ ученикамъ, больше стали вникать въ ихъ интересы. Къ тому-же нѣкоторые старики, наиболѣе заплесневѣвшіе въ рутинѣ и злоупотребленіяхъ, удалились, явились новые учителя, молодые, энергичные, совсѣмъ иначе относившіеся къ своему служебному и гражданскому долгу. Среди нихъ былъ и незабвенный для всѣхъ тогдашніхъ учениковъ 1-й гимназіи П. Е. Рошинъ, преподаватель математики. Въ высшей степени просто и изящно излагалъ онъ свой предметъ. Онъ главнымъ образомъ старался на урокахъ вызывать самодѣятельность учениковъ: при помощи своего талантливаго учителя они легко решали трудныя задачи, сами выводили послѣдующія те-

оремы или алгебраическія формулы изъ предыдущихъ. Отмѣтки отступили на задній планъ. Рощинъ неудовлетворительныхъ неставилъ, но онъ до такой степени стѣмѣль сдѣлать свой предметъ интереснымъ для учащихся, что они горячо принялись за его изученіе, а нѣкоторые не ограничивались гимназическимъ курсомъ и стали изучать нѣкоторые отдѣлы высшей математики. Ученики добросовѣстно готовили уроки не ради полученія хорошихъ отмѣтокъ, а потому, что совсѣмъ было огорчить любимаго преподавателя, да и товарищи часто плохой отвѣтъ объясняли тупостью отвѣщающаго. Къ своему предмету Р—нъ успѣль внушилъ такую любовь, что большинство оканчивающихъ курсъ въ гимназіи стали поступать на математической факультетъ. Добросовѣстно и не ради отмѣтокъ готовясь по математикѣ, ученики понемногу начинали относиться такъ-же и къ другимъ предметамъ гимназического курса. Дѣятельность и вліяніе Рошина не ограничивались предѣлами класса: онъ занималъ себѣ квартиру въ гимназическомъ дворѣ и здѣсь во всякую пору дня принималъ учениковъ просто и любезно, но безъ всякой слашавости; онъ откровенно указывалъ имъ ихъ недостатки и заблужденія и всегда охотно и терпѣливо объяснялъ встрѣтившіяся имъ трудности. Тутъ онъ выходилъ за предѣлы курса, указанного программой, задавалъ интересныя математическія задачи, знакомилъ съ вопросами физики, предмета въ то время совсѣмъ заброшенного въ нашей гимназіи, сообщалъ свѣдѣнія по математической географіи и астрономіи; въ ясные вечера, даже зимой, на гимнастическомъ дворѣ знакомилъ со звѣзднымъ небомъ, показывалъ свѣтила въ телескопъ. Но одними своими факультетскими предметами не ограничивался Р—нъ; не было вопроса, отъ посильнаго разъясненія котораго онъ бы уклонился. Снисходительный къ внѣшнимъ и мелкимъ проступкамъ, къ нарушеніямъ общепринятыхъ, но формальныхъ условностей, объясняя ихъ лишь относительное значеніе, Р—нъ всегда откровенно указывалъ ученикамъ ихъ нравственные недостатки. Сурово отрицая крѣпостное право и барскія привычки, прирожденная привилегіи и всяческія общественные неправды, онъ всегда старался внушить

окружающимъ глубокое уваженіе и любовь къ наукѣ вообще, а не только къ математикѣ. Особенно охотно останавливался онъ на гражданскихъ обязанностяхъ своихъ юныхъ собесѣдниковъ, на необходимости правды, справедливости и стремленія къ лучшимъ общечеловѣческимъ идеаламъ. Если прибавить, что зоркій, наблюдательный глазъ учениковъ не могъ уловить ни малѣйшаго противорѣчія между словомъ и жизнью учителя, то легко представить силу его вліянія.

Сильное вліяніе оказалъ Р—нъ и на Александра Степановича, не смотря на то, что не болѣе 1 года, да и то въ 4-мъ классѣ, былъ его учителемъ. Р—нъ скоро принужденъ былъ оставить нашу гимназію, переселился въ С.-Петербургъ, где сталъ выдающимся профессоромъ въ специальныхъ военныхъ академіяхъ. Но Лашкевичъ часто встречался съ Р—мъ въ послѣдніе годы его здѣсь пребыванія, такъ какъ старшій его братъ часто бывалъ у любимаго учителя и познакомилъ съ нимъ ближе и Сашу. Послѣдній не любилъ математики; въ это время уже стало сказываться его влеченіе къ историческимъ и словеснымъ наукамъ; но знакомство съ Р—мъ ярко отразилось на общемъ развитіи юноши, на его общественныхъ идеалахъ и симпатіяхъ.

Переходъ Александра Степановича въ высшіе классы совпадалъ съ цвѣтущей эпохой въ жизни кіевскихъ учебныхъ заведеній, когда Попечителемъ учебнаго округа сталъ Н. И. Пироговъ. Вліяніе его особенно замѣтно отразилось на гимназіяхъ—въ нихъ повѣяло новымъ духомъ. Возвысилось значеніе преподавателей: они стали болѣе самостоятельными; усилилась дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ, къ которымъ теперь съ правомъ равнаго голоса привлечены были и „младшіе“ учителя, между тѣмъ какъ раньше въ немъ участвовали вполнѣправно, конечно очень относительно, одни лишь „старшіе“ учителя; въ совѣтахъ то и дѣло рассматривались вопросы о лучшей организации школы, о болѣе правильныхъ отношеніяхъ къ ученикамъ, болѣе образовательномъ и нравственномъ воздействиіи на нихъ, о болѣе правильной постановкѣ курса и наиболѣе цѣлесообразной методикѣ.

сообразныхъ методахъ преподаванія и воспитанія. Освѣжился педагогической персоналъ, оживилось преподаваніе, отношеніе къ ученикамъ стало вѣжливымъ и гуманнымъ, а грубое обращеніе, произволь и разнообразныя жестокія наказанія, продолжительныя заключенія въ карцерѣ, пресловутые субботники и вообще частыя тѣлесныя наказанія во время пребыванія Н. И. Пирогова попечителемъ почти исчезли. Въ высшей степени благотворно отразились всѣ эти реформы на настроеніи и поведеніи кievскихъ гимназистовъ. Къ этому времени Кіевская 1-я гимназія помѣщалась уже въ своемъ нынѣшнемъ зданіи; оба пансіона были соединены въ одинъ, а пріемъ приходящихъ учениковъ очень усиленъ, такъ что учебное заведеніе перестало быть вполнѣ замкнутымъ и сословнымъ. Большее общеніе съ вицѣшнимъ міромъ и реформы Пирогова усилили умственную дѣятельность учащихся, вызвали въ нихъ стремленіе къ знанію, къ развитію, и взамѣнъ прежней грубости, тайныхъ попоекъ, карточной игры и разврата теперь стало замѣтно стремленіе къ самообразованію посредствомъ сознательного усвоенія гимнази-ческаго курса и вицѣкласснаго ученія. Это умственное движение сильно отразилось и на Александрѣ Степановичѣ: онъ сталъ теперь замѣтно увлекаться филологическими науками, особенно предавался чтенію журналовъ, которые раньше вовсе не про-никали въ нашу гимназію, такъ что, оканчивая курсъ, мы даже не знали о ихъ существованіи. Первое наше знакомство съ ними явилось благодаря покойнымъ профессорамъ университета Павлову и Бунге. Постоянно убѣждаясь въ плохой подготовкѣ поступающихъ въ университетъ молодыхъ людей, П. В. Павловъ сталъ самъ преподавать исторію въ 7-мъ классѣ нашей гимназіи, а Н. Х. Бунге черезъ нашего инспектора, своего школь-наго товарища, познакомившись съ некоторыми изъ наст., сталъ снабжать наст. книгами и журналами—Отечественными Запи-сками, Современникомъ, Русскимъ Вѣстникомъ. Большое умствен-ное возбужденіе Александра Степановича особенно сильно ска-залось въ его отношеніи къ литературнымъ вечерамъ, устроен-нымъ Н. И. Пироговымъ. Периодически въ залѣ одной изъ

двухъ гимназій Кієва собирались ученики двухъ высшихъ классовъ. Здѣсь въ присутствіи попечителя и всего педагогического персонала обѣихъ гимназій, одинъ изъ учениковъ читалъ рефератъ на тему, имъ выбранную; присутствующіе дѣлали свои замѣчанія и возраженія; въ заключеніе Н. И. Пироговъ дѣлалъ сводъ и оцѣнку всего прослушаннаго. Не смотря на отсутствіе какой-либо предварительной цензуры для темъ и рефератовъ, всѣ литературныя работы и пренія не выходили за предѣлы дозволенного; одинъ лишь разъ представленъ былъ рефератъ на тему „О запрещеніи куренія въ гимназіяхъ“, но и тутъ ученики оставались въ границахъ спокойнаго обсужденія и почтительныхъ возраженій старшимъ, а Пироговъ, воспользовавшись этимъ щекотливымъ случаемъ, высказалъ свое основанное на терпимости къ чужимъ, даже незрѣлымъ мыслямъ, мнѣніе. Вѣснія, вооруженный глубокимъ знаніемъ, уваженіемъ и любовью къ подростающей молодежи, соображенія его о вредѣ куренія и необходимости ограниченій въ школѣ, произвели сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ учениковъ, глубоко запали въ ихъ сердца и понятія.

Лашкевичъ очень горячо относился къ этимъ вечерамъ; къ каждому изъ нихъ онъ готовился, тщательно знакомился съ вопросами, подлежащими разсмотрѣнію въ ближайшій литературный вечеръ; самъ онъ дважды выступалъ въ качествѣ референта; не вспомню теперь, какія онъ выбралъ темы, но и теперь мнѣ живо рисуется, какъ горячо относился онъ къ этой работѣ, какъ тщательно собиралъ и изучалъ пособія и источники для ихъ разработки; доклады его прошли съ большимъ успѣхомъ и вызвали похвалу попечителя округа. Самъ я въ это время былъ уже студентомъ, поэтому мои свѣдѣнія о литературныхъ вечерахъ и ихъ вліяніи на гимназическую среду я получалъ только отъ младшихъ товарищѣй по гимназіи и между прочимъ отъ А. С. Лашкевича, съ которымъ постоянно встрѣчался въ послѣдніе годы его пребыванія въ гимназіи, такъ какъ я, познакомившись съ его отцомъ, сталъ часто бывать у него въ домѣ. Въ это время я сблизился съ Александромъ Степано-

вичемъ, узналъ домашнюю обстановку, среди которой онъ росъ и сложился,—къ ней я и перейду теперь.

Степанъ Ивановичъ Лашкевичъ, отецъ Александра, былъ богатый помѣщикъ Новозыбковскаго и Сосницкаго уѣздовъ Черниговской губерніи; ему принадлежало по тогдашнему обо-значенію около 3000 „душъ“ въ трехъ имѣніяхъ. Онъ окончилъ со степенью кандидата филологической факультетъ московскаго университета, былъ слушателемъ пр. Мерзлякова, память кото-раго глубоко чтиль. На государственную службу Степанъ Ива-новичъ, кажется, никогда не поступалъ, если не считать служ-бой дѣятельность почетнаго попечителя Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Извѣстно, что должность эта вполнѣ оправдывала эпитетъ „почетный“. Выбранный на эту должность дворянствомъ обыкновенно никакой служебной дѣятельности не проявлялъ; обязанности его сводились къ ежегоднымъ пожертвованіямъ въ пользу учебно-образовательныхъ учрежденій гимназіи или на развлеченія учениковъ (на маёвки, угощенія, балы, спектакли), или же на помощь бѣднымъ учащимся; взамѣнъ получались чины и ордена.

Когда я впервые увидѣлъ Степана Ивановича, онъ по на-ружности былъ уже старикомъ. Высокаго роста, худощавый и стройный, съ красивымъ, очень блѣднымъ лицемъ, съ сѣдыми волосами и бакенбардами, всегда тщательно одѣтый, всегда спо-койный, важный и медлительный въ движеніяхъ и рѣчи, онъ производилъ впечатлѣніе настоящаго образованнаго „барина“. Держался онъ всегда прямо, но голова его почти всегда была опущена, выраженіе лица чаще грустное; смеялся онъ рѣдко и мало, даже улыбался не часто и какъ-то грустно; казалось, что его неотступно гнететь какая-то печальная дума: говорили, что онъ не можетъ утѣшиться послѣ смерти любимой жены. Жизнь его отличалась необыкновеннымъ однообразiemъ и пра-вильностью. Большую часть года онъ проживалъ въ Кіевѣ, а на время лѣтнихъ каникулъ въ учебныхъ заведеніяхъ, въ ко-торыхъ учились его сыновья, перевѣжалъ въ имѣніе.

Въ Киевѣ Лашкевичи проживали въ собственномъ домѣ на Печерскѣ на Милліонной улицѣ. Старшіе сыновья жили въ отдельномъ флигелѣ во дворѣ, отецъ съ малолѣтней дочерью и сыномъ занимали большой одноэтажный деревянный домъ; тутъ же находился и крайне запущенный, заросшій садъ.

Ежедневно въ опредѣленный часъ къ семье выходилъ изъ своей комнаты вполнѣ одѣтый отецъ; послѣ утренняго чая онъ садился на диванъ, всегда на одно и то же мѣсто, читалъ новые журналы или книги; крайне рѣдко, да и то лишь при отличной погодѣ, онъ выѣзжалъ на прогулку съ малыми дѣтьми и ихъ гувернанткой въ большомъ экипажѣ четверикомъ съ фрейторомъ и лакеемъ. Къ обѣду собирались всѣ члены семьи, потомъ вечеромъ опять сходились для чая и ранняго ужина, послѣ котораго отецъ садился на всегдашнее свое мѣсто на диванѣ; часа черезъ два, послѣ довольно вялой бесѣды съ дѣтьми и гостями, въ разъ навсегда опредѣленный часъ старикъ молча вставалъ; всѣ присутствующіе также вставали, хозяинъ прощался съ гостями, благословлялъ дѣтей, цѣловался съ ними и удалялся въ свои апартаменты. По воскресеньямъ и праздникамъ Степанъ Ивановичъ юздила къ обѣдаѣ всегда въ одну и ту же церковь Спаса на Берестовѣ, въ которой состояль страстой и о благоговѣніи которой очень заботился; въ ней его стараніями были возобновлены старинныя фрески.

Въ управлениѣ домомъ и многочисленной дворней, даже въ воспитаніе дѣтей Степанъ Ивановичъ повидимому почти не вмѣшивался. Эти заботы всецѣло лежали на проживавшемъ въ теченіе многихъ лѣтъ у него въ домѣ, у него же и умершемъ Николаѣ Егоровичѣ. Фамиліи его даже очень близкіе къ Лашкевичамъ люди не знали; всѣмъ известно было, что онъ, уроженецъ одной изъ великорусскихъ губерній, былъ товарищемъ Степана Ивановича по Московскому университету, хотя съ виду казался гораздо старше его. На какихъ условіяхъ онъ проживалъ у Лашкевича, мы не знали, но видѣли, что на немъ лежали домашнее хозяйство и заботы о старшихъ сыновьяхъ, съ товарищами которыхъ онъ очень сближался. Молодежь очень лю-

била его за чрезвычайное добродушіе, веселый нравъ и невинные шутки юношей. Будучи фактотумомъ въ домѣ—и управляющимъ, и экономомъ, и ключникомъ, и дядькой при дѣтяхъ, онъ до глубокой старости отличался большой живостью, интересовался литературой, любилъ толковать о ней съ молодежью, изрѣдка бесѣдовалъ о ней же и съ Степаномъ Ивановичемъ; послѣдняго опѣ очень уважалъ, всегда свято исполнялъ, и старался предугадывать его волю и желанія, даже замѣтно побаивался его. Снисходительно относился Николай Егорычъ къ молодежи, къ ея не всегда достаточно почтительному подшучиванію. Молодыхъ Лашкевичей онъ очень баловалъ, старался исполнять всѣ ихъ желанія, даже капризы и прихоти, снабжая ихъ втихомолку деньгами, прикрывая ихъ проступки—въ этомъ отношеніи онъ шелъ даже наперекоръ желаніямъ своего патрона.

Жили въ семье Лашкевича еще и приживалки, бѣдныя пожилыя дворянки, одна изъ нихъ съ дочерью-подросткомъ; они жили въ отдельномъ помѣщеніи, никогда не показывались гостямъ, о существованіи ихъ посторонніе узнавали лишь отъ дѣтей или Николая Егорыча, очень ихъ не любившаго, или, наконецъ, по поводу какого-нибудь особенного происшествія съ ними. Дворня была чрезвычайно многочисленна: были тутъ поваръ и его помощники, много лакеевъ, нѣсколько кучеровъ, форейторовъ, судомойки, горничная, прачки, дворники, портные, сапожники, швеи, обойщики, столяры и др. Меня, истиннаго горожанина изъ буржуазной семьи, очень поражала эта масса прислуги; особенно удивлялся я, когда впервые ночевалъ у Лашкевичей. У каждого изъ сыновей былъ особый лакей, умывавший и одѣвавший паныча, надѣвавший носки, завязывавший галстукъ; у каждого гостя опять таки былъ свой специальный прислужникъ. Надо думать, что эта многочисленная прислуга мало работала: домъ, въ которомъ жили Лашкевичъ и его семья, былъ крайне запущенъ; побѣлка стѣнъ почти исчезла, штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась, крыша протекала; внутри—стѣны, потолки и полы выказывали такие же слѣды за-

пущенности, и это особенно бросалось въ глаза, такъ какъ тутъ же, въ обстановкѣ комнатъ, обращали на себя вниманіе многіе изящные и дорогіе предметы. Я долго думалъ, что за ветхостью—ремонтировать этотъ домъ уже невозможно, но когда онъ сдѣлался наконецъ совсѣмъ неудобнымъ для жизни, Степанъ Ивановичъ продалъ его; при новомъ владѣльцѣ оказалось, что домъ построенъ изъ толстыхъ сосновыхъ брусьевъ, которые отлично сохранились, а ветхость по внешнему виду явилась отъ отсутствія въ теченіе многихъ лѣтъ какого-либо ремонта. Теперь С. И. Лашкевичъ купилъ двухъэтажный домъ въ Липкахъ на Виноградной улицѣ; внутренняя обстановка сдѣлалась еще болѣе барскою, но и этотъ домъ никогда не ремонтировался.

По своему происхожденію, связямъ и богатству Лашкевичъ легко могъ бы пріимкнуть къ тогдашнему кіевскому бомонду, „Липкамъ“, сдѣлаться замѣтнымъ его членомъ, но онъ сторонился отъ свѣтского общества, бывалъ лишь у немногихъ родственниковъ, только ихъ и товарищѣй своихъ сыновей и принималъ у себя. Къ этой молодежи онъ относился съ замѣчательнымъ дружелюбiemъ, терпимостью и гостепріимствомъ. Въ тихихъ и чинныхъ, прежде пустынныхъ барскихъ хоромахъ, со вступленіемъ въ университетъ сыновей, особенно Александра Степановича, теперь стали бывать молодые студенты, происходившіе изъ различныхъ слоевъ общества, въ своей дешевенькой, часто изрядно изношенной одеждѣ, вѣкоторые въ очень распросранившихся въ то время украинскихъ національныхъ костюмахъ и вышитыхъ, не блестѣвшихъ особенной чистотой рубахахъ. Здѣсь юноши не чувствовали того стѣсненія, которое обычно испытывали, когда случалось побывать въ томъ или другомъ пышномъ салонѣ или даже въ болѣе скромныхъ буржуазныхъ гостиныхъ. Хозяинъ ко всѣмъ, безъ различія происхожденія, средствъ, костюма, относился равно спокойно, привѣтливо, но сдержанно и немногословно. Въ иные вечера здѣсь раздавались громкіе, оживленные споры по вопросамъ общественнымъ, научнымъ и литературнымъ. Хозяинъ со вниманіемъ и интересомъ слѣдилъ за этими спорами, изрѣдка тихо и спо-

койно выражалъ свое мнѣніе, съ полной терпимостью предо-
ставляя всѣмъ высказаться. Онъ никогда не пользовался своею
властюю хозяина и старика, чтобы устранить то или другое
рѣзкое или крайнее, не нравившееся ему мнѣніе. Слегка выра-
жая сочувствіе свое къ освобожденію крестьянъ, онъ повиди-
мому мало интересовался современностью; его гораздо больше
занимали вопросы литературные и историческіе, особенно отно-
сившіеся къ родной Малороссіи; онъ очень гордился своимъ
происхожденіемъ отъ Полуботка. Постоянно и много читаль,
выписывая журналы, приобрѣтая новыя книги по исторіи и сло-
весности, Лашкевичъ поражалъ настъ, молодыхъ птенцовъ,
своими знаніями. Среди этой шумной, веселящейся молодежи,
старикъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ на диванѣ съ
обычнымъ грустнымъ выраженіемъ лица, по временамъ слегка
улыбаясь по поводу той или другой шутки, остроты или вы-
ходки; въ обычный часъ онъ вставаньемъ давалъ сигналъ къ
прощанію; онъ удалялся въ свои комнаты, а молодежь пе-
реселялась къ Александру Степановичу и тутъ долго еще, до
глубокой ночи или до разсвѣта, раздаваласъ оживленная бесѣда,
продолжались споры, шумъ, веселіе. Въ позднѣйшее время из-
рѣдка бывали танцевальные вечера, которые продолжались до
поздней ночи; хозяинъ и тутъ все время присутствовалъ на
своемъ обычномъ мѣстѣ; оригинально было здѣсь сочетаніе ро-
довитыхъ, чинныхъ и элегантныхъ родичей хозяина съ плохо
одѣтыми (студенческая форма было уже отмынена), но умственно
вовлеченными, самоувѣренными и мало стѣсняющимися моло-
дыми товарищами сына.

Къ началу каникулъ вся семья, на долгихъ, въ нѣсколькихъ
экипажахъ съ приживалками и дворней переселялась въ главное
имѣніе, с. Брахловъ, Новозыбковскаго уѣзда. Однажды я гостила
тамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Семья обитала въ роскоши-
номъ и просторномъ домѣ; тутъ же большой цвѣтникъ, садъ,
рѣка и деревня. Образъ жизни Степана Ивановича и тутъ ос-
тавался неизмѣнно такимъ же, какъ и въ городѣ: порядокъ дня,
занятія, интересы были тѣ же, недоставало лишь мужской моло-

дежи. И здѣсь хозяинъ крайне рѣдко оставлялъ комнаты для посѣщенія сада или поѣздки въ экипажѣ, и здѣсь онъ не входилъ въ хозяйственныя дѣла, которыми всецѣло и безотчетно распоряжался наемный управляющій; дворня здѣсь была еще многочисленнѣе. Только съ немногими сосѣдями, частью родичами, поддерживалось знакомство. Проходили годы; все кругомъ измѣнялось; прежняя молодежь возмужала; сыновья выросли, стали самостоятельными; Александръ Степановичъ поступилъ на службу, самъ Степанъ Ивановичъ дряхлѣлъ, но домашній порядокъ не измѣнялся, не измѣнялись его привычки и образъ жизни. По прежнему дорожилъ онъ независимостью, сторонился отъ хозяйственныхъ заботъ и всякой дѣятельности, по прежнему много читалъ, продолжая относиться съ интересомъ къ вопросамъ литературы и исторіи, преимущественно мѣстной.

Я, можетъ быть, слишкомъ долго остановился на домашней обстановкѣ А. С. Лашкевича, но мнѣ думается, что личность его отда сама по себѣ представляетъ интересъ—это очень оригинальный представитель интеллигентнаго, но вполнѣ пассивнаго лѣвобережнаго малорусскаго панства въ эпоху освобожденія крестьянъ, того самаго панства, изъ среды которого въ это самое время выдѣлялись столь же оригинальные и пассивные, но менѣе симпатичные „мочеморды“. Привлекательно было гостепріимство и любовное отношеніе этого барина къ университетской, и притомъ по преимуществу нуждающейся, иногда почти бездомной, демократически настроенной молодежи. И теперь, по прошествію нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, эта успѣвшая уже сама состариться молодежь съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаетъ объ этомъ гостепріимномъ домѣ и его привѣтливомъ хозяинѣ. Остановился я подробно на родной обстановкѣ Александра Степановича еще и потому, что она должна была сильно на немъ отразиться. Полная обезпеченность, даже болѣе того—богатство, родовитыя связи и та бездѣятельность и пассивность, которыя съ дѣтства окружали его, должны были, казалось, при поступленіи въ университетъ въ 1860-мъ году, направить молодого Лашкевича въ студенческіе кружки, предавав-

шієся веселью и сладкому ничего-недѣланію, тѣмъ болѣе, что въ двухъ такихъ кружкахъ вращались близкіе ему люди. Таковъ былъ кружокъ родовитыхъ молодыхъ людей изъ кіевской чиновничьей знати и лѣвобережного панства, которые всецѣло отдавались свѣтской жизни съ ея щегольствомъ, ухаживаніями, развлеченіями, кутежами и отсутствіемъ какихъ либо серьезныхъ интересовъ. Таковъ былъ и другой кружокъ, такъ называемый Дерптскій, съ болѣе буржуазнымъ составомъ, группировавшійся вокругъ нѣсколькихъ студентовъ, перешедшихъ къ намъ изъ Дерптского университета; тутъ выпивка, особенно пива, возводилась въ какой-то культь, причемъ широко практиковались и разные другие виды кутежа; многіе юноши не устояли и погибли и нравственно, и физически подъ напоромъ растлѣвающаго безъидейнаго прожиганія жизни и пьянства. Къ университетскимъ занятіямъ и лекціямъ, къ идеямъ, которыя одушевляли молодежь того времени, дѣлили ее на кружки и партіи, призывали ее къ дѣятельности во имя убѣжденій и къ борьбѣ за нихъ, представители этихъ двухъ кружковъ относились безучастно: лишь изрѣдка появлялись они въ университетскихъ коридорахъ, и того рѣже посѣщали они лекціи, видимо не интересуясь ими и скучая на нихъ: одинъ изъ принадлежавшихъ къ 1-му упомянутому мною кружку забрелъ какъ то, быть можетъ послѣ бурно проведенной ночи, на лекцію по славяновѣдѣнію, заснуль тутъ и громко захрапѣлъ; студенты тутъ же выгнали его изъ аудиторіи. Чаще всего однокурсники впервые встрѣчали нѣкоторыхъ изъ принадлежавшихъ къ этимъ кружкамъ студентовъ въ экзаменную пору: тутъ они знакомились съ товарищами ради получения программъ, записокъ и другихъ пособій или указаний.

Отъ сближенія съ этими и другими подобными кружками Александра Степановича оградило умственное возбужденіе, вызванное вліяніемъ П. Е. Роцина и мѣрами Н. И. Пирогова въ средѣ учениковъ высшихъ классовъ Кіевской 1-й гимназіи. Съ другой стороны, благодаря живости и настойчивости, отличавшимъ Лашкевича, на немъ не сильно отразилась бездѣятельность въ до-

машней обстановкѣ. Онъ искалъ занятій, дѣла, а отъ отца могъ унаслѣдовать любознательность и интересъ къ литературѣ. И вотъ, поступивши на историко-филологический факультетъ, онъ увлекся славяновѣдѣніемъ; онъ аккуратно посѣщалъ лекціи по этой отрасли знанія, не смотря на то, что онѣ отличались въ то время крайней вялостью и сухостью; посѣщалъ онъ постоянно также лекціи по Исторіи Русской Словесности, увлекался лекціями В. Я. Шульгина по новой исторіи и П. В. Павлова по русской исторіи, физіологии общества и исторіи пластическихъ искусствъ. Занятія славяновѣдѣніемъ сблизили его съ кружкомъ студентовъ славянофиловъ. Въ этомъ кружкѣ особенно выдавались и пользовались большимъ вліяніемъ нѣкоторые студенты изъ духовнаго званія, болѣшей частью великороссы, перешедшіе къ намъ изъ Кіевской духовной академіи, изъ которой ихъ исключили за недады съ начальствомъ. Эти молодые люди отличались болѣшей зрѣлостью, стремленіемъ къ знаніямъ, серьезностью занятій. Скоро кружокъ этотъ, при участії Лашкевича, устроилъ *Печерскую* воскресную школу, которая отличалась отъ двухъ раньше открытыхъ студентами школъ, Подольской и Новостроенской, славянофильскимъ направленіемъ своихъ участниковъ; напротивъ того, въ Подольской, особенно же Новостроенской, преобладало направленіе мѣстное—украинское. Не долго оставался Лашкевичъ въ славянофильскомъ кружкѣ, хотя дружескія отношенія къ нѣкоторымъ изъ его членовъ сохранились навсегда. Теперь онъ возвуждалъ, характеръ его сталъ складываться окончательно. Это былъ уже высокаго роста, красивый и вполнѣ здоровый юноша; отличаясь, какъ я уже замѣтилъ, живостью и настойчивостью, онъ былъ въ то же время добръ, всегда почти весель, остроуменъ и добродушно-насмѣшливъ. Дѣтская застѣнчивость исчезла и замѣнилась общительностью, и потому у него было множество знакомыхъ между студентами. Дѣятельность въ воскресной школѣ и общія собранія учителей всѣхъ такихъ школъ постоянно нагалкивали мысли на вопросы о значеніи мѣстнаго языка, этнографіи и исторіи; еще болѣе возбуждались эти интересы начинавшейся въ то время въ стѣнахъ университета

борьбой между польской молодежью и мѣстною русскою по вопросу о томъ, какой національности должны принадлежать край и университетъ. Борьба велась съ большой страстью, увлекала всѣхъ живыхъ людей, увлекла она и Александра Степановича. Онъ посѣщалъ всѣ сходки молодежи, принималъ горячее участіе въ страстныхъ спорахъ по поводу національныхъ и другихъ вопросовъ, дѣятельно участвовалъ въ кассѣ взаимопомощи и въ студенческой библіотекѣ съ лекторіей, устроеннымъ студентами по почину попечителя учебнаго округа Н.И. Пирогова. Теперь Лашкевичъ всецѣло присоединился къ малорусскому или украинскому кружку, горячо отдался изученію Украины въ ея прошломъ и настоящемъ, сталъ преподавателемъ въ Ежедневной школѣ, для которой помѣщеніе отведено было въ самомъ зданіи университета и которую устроили учителя Новостроенской воскресной школы. Участвовалъ Лашкевичъ и въ другой школѣ, которую студенты украинцы устроили на свой счетъ въ частномъ домѣ: здѣсь на полное содержаніе принимались крестьянскіе мальчики, по большей части лакеи-козачки, сопровождавшіе въ Киевъ своихъ паничей, студентовъ; въ школѣ ихъ готовили къ дѣятельности сельскихъ учителей. Въ этой школѣ воспитывались, между прочимъ, и два родныхъ племянника Т. Г. Шевченка. Въ это время возникли и упрочились дружескія отношенія А. С. Лашкевича со многими земляками студентами: ихъ сближала совмѣстная гуманитарная и національная дѣятельность и общность убѣждений; связь создавалась крѣпкая: она пережила пребываніе въ университетѣ, держалась годами и потомъ еще разъ освѣжилась и окончательно упрочилась, когда Александръ Степановичъ сталъ издателемъ и редакторомъ „Кievskoy Stariны“, гдѣ некоторые изъ давнихъ университетскихъ друзей его были постоянными сотрудниками.

На 3-мъ курсѣ съ Александромъ Степановичемъ произошелъ случай, о которомъ онъ очень любилъ потомъ вспоминать, съ обычнымъ добродушiemъ остроумно относясь къ постигшей его непріятности. Проснувшись 23 апрѣля 1863 г., кievляне узнали, что въ минувшую ночь изъ города скрылась вся поль-

ская университетская молодежь и некоторые известные польские дѣятели. Вскорѣ появились слухи о кровавой стычкѣ гдѣ то невдалекѣ отъ Киева; привезли раненаго козака и привели подъ военнымъ конвоемъ много связанныхъ повстанцевъ. Подъ вліяніемъ весьма понятнаго любопытства, многіе киевляне разныхъ возрастовъ и званій, въ числѣ ихъ и Александръ Степановичъ, устремились на Житомирское шоссе, откуда приводили пленныхъ, но тутъ, едва-лишь выходили они за тогдашнюю городскую черту у Тріумфальныхъ воротъ, ихъ ожидалъ совсѣмъ неожиданный сюрпризъ. На время польского восстанія изъ крестьянъ на всей территории Юго-Западнаго края организована была сельская стража: приказано было задерживать всѣхъ незвестныхъ, безпаспортныхъ и подозрительныхъ людей и доставлять ихъ въ полицію. Среди крестьянъ распространился слухъ, что за каждого задержанного „штургента“ они будутъ получать по 3 рубля, и вотъ подъ Киевомъ сельская стража стала задерживать каждого, выходившаго изъ города за Тріумфальные ворота. Вартовники были безграмотны, провѣрять паспорты сами не могли, да у большинства случайно вышедшихъ и не было документа, удостовѣряющаго личность. Никакія объясненія не помогали—всѣхъ арестованныхъ уводили пѣшкомъ за нѣсколько верстъ, если не ошибаюсь, въ с. Вету, а отсюда въ Борщаговку. Тутъ всѣхъ задержанныхъ, а приводили ихъ въ теченіе всего дня, за неимѣніемъ другого помѣщенія, заключали въ какой то отвратительный хлѣвъ. Оказалась тутъ самая разнообразная компанія, исключительно русскихъ людей: были тутъ чиновники, студенты, ремесленники, былъ и кievскій полицейскій городовой, случайно выглянувшій за Тріумфальныя ворота и тоже причисленный къ подозрительнымъ. Былъ тутъ и нашъ Александръ Степановичъ, тоже запущій за роковыя ворота. Прибывали все новые заключенные, помѣщеніе становилось невыносимо тѣснымъ, тѣмъ не менѣе задержанные едва допросились воды. Въ теченіе сутокъ они не получали никакой пищи, и крестьяне едва согласились за дорогую цѣну дать имъ ржанаго хлѣба, да и того мало—его не хватило на утоленіе голода. Про-

шла крайне мучительная ночь, и на утро вывели на улицу всѣхъ заключенныхъ, съ понятнымъ наслажденіемъ вдохнувшихъ свѣжимъ воздухомъ. Каждому изъ нихъ тugo скручивали руки позади спины, а потомъ связывали ихъ по двое; тутъ сказалось игривое настроеніе крестьянъ: весьма маленькаго городового связали съ очень высокимъ студентомъ—первый до извѣстной степени повисъ—позиція крайне неудобная для обоихъ столь случайно, но тѣсно сплоченныхъ товарищѣй по невзгодѣ. Александра Степановича такъ крѣпко связали, что онъ все время не могъ рукой коснуться къ своему лицу, между тѣмъ очки его постоянно съѣзжали на носъ и онъ все время принужденъ былъ приставать къ своему случайному близнецу съ просьбой поправить ему очки, при чёмъ не мало долженъ былъ изгибаться, чтобы достаточно приблизить свое лицо къ услужливой рукѣ товарища. „Штургентовъ“ поставили въ двѣ шеренги и повели въ городъ; кругомъ, въ качествѣ ближайшаго конвоя, выступали крестьянки, вооруженные копьями; въ качествѣ надежнаго резерва, въ сторонѣ съ такимъ же оружиемъ шла толпа крестьянъ, все время глумясь подъ своими плѣнными, ругая ихъ. Особенно, по словамъ Александра Степановича, отличался очень высокаго роста, видный и красивый крестьянинъ. „А що, пановѣ? чы добре вамъ? Чы будете ще бунтовать?“ обращался онъ къ связаннымъ; „годи вже! не будете вже гербаты зе мличкомъ пыты, будете радисеньки и житній хлибъ зъ водой йисты! Годи вже вамъ панувать—теперь все буде наше!“ воскликнулъ онъ, указывая величественнымъ жестомъ руки во всѣ стороны: „и тутъ, и тутъ буде наше! Скризъ буде наше!“

Съ прибытиемъ въ Кіевъ бѣднымъ плѣннымъ пришлось пережить тяжелыя минуты: городская чернь, принимая ихъ за поляковъ, толпилась вокругъ нихъ; раздавались ругательства, въ нихъ бросали комками грязи. Привели ихъ къ Старокіевской части (теперь участокъ); здѣсь связанныхъ ввели во внутреннее помѣщеніе, а крестьянъ оставили на улицѣ; послали нарочного къ губернатору, немедленно развязали плѣннаго городового, поставили его сторожить входные съ улицы двери. Долго пришлось

ждать прибытія губернатора: администрація и поліція въ этотъ день совсѣмъ сбились съ ногъ отъ множества неожиданныхъ дѣлъ. Скучно было крестьянамъ ждать расписокъ въ принятіи плѣнныхъ и желанной трехъ-рублевой награды, и вотъ то одинъ изъ нихъ, то другой направлялся къ завѣтнымъ дверямъ части, стараясь проникнуть во внутреннія помѣщенія. Но тутъ у входныхъ дверей освобожденный городовой мстилъ имъ за перенесенное заключеніе и обиды: крѣпкими словами и ударами въ шею и другія части тѣла онъ прогонялъ ихъ. Прошло уже больше сутокъ послѣ задержанія большинства, когда пріѣхавшій губернаторъ, просмотрѣвъ списокъ приведенныхъ, замѣтилъ имъ, что теперь военное время, что всякому слѣдуетъ быть крайне осмотрительнымъ, что они своей неосторожностью сами навлекли на себя пережитыя непріятности. Послѣ этого всѣмъ задержаннымъ разрѣшено было разойтись.

Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ этого эпизода, А. С. Лашкевичъ окончилъ курсъ университета. Онъ поступилъ на службу въ кіевское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, вскорѣ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Безакомъ мировымъ посредникомъ и потомъ предсѣдателемъ повѣрочного отдѣленія мирового судьбища въ Гайсинскій уѣздъ Подольской губ. Здѣсь онъ горячо отдался исполненію служебныхъ обязанностей: онъ вполнѣ соотвѣтствовали направленію и убѣжденіямъ, вынесеннымъ изъ университета. Съ большимъ одушевленіемъ, радостно рассказывалъ онъ университетскимъ друзьямъ о тѣхъ случаяхъ, когда ему удавалась отстоять тотъ или иной интересъ крестьянъ. Вскорѣ умеръ генералъ-губернаторъ А. П. Безакъ; измѣнилось направленіе политики въ крестьянскомъ вопросѣ въ Юго-Западномъ краѣ; Лашкевичъ оставилъ службу и поселился въ родномъ Новозыбковскомъ уѣздѣ. Здѣсь началась его земская и судебнѣ-мировая дѣятельность, но относится она, какъ и дѣятельность его по крестьянскимъ учрежденіямъ въ Юго-Западномъ краѣ, уже не къ школьнѣмъ годамъ А. С. Лашкевича, закончившимся въ 1864-мъ году. Школьные годы и молодость не прошли для него даромъ: онъ вышелъ изъ нихъ снабженный

знаніями, духовнымъ развитіемъ, стремленіемъ къ умственному труду; они дали ему то общественно-національное и демократическое направлениe, которое было руководящимъ началомъ во всей его послѣдующей дѣятельности; они же создали ему дружескія связи съ niektóryми университетскими сверстниками—украинцами, связи, сохранившія свою силу до самой смерти его. Лашкевичъ имѣлъ право съ удовольствиемъ вспоминать о золотыхъ годахъ своей молодости—многимъ завѣтамъ ея онъ былъ вѣренъ до конца жизни.

В. Беренштамъ.

